

ПОВЕСТЬ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

(Из рукописной книги князя Туренева)

На седьмом десятке жизни случилась со мной великая беда: руки, ноги опухли, образ божий – лицо сделалось безобразное, как бабы говорят – решетом не покроешь. Одолели смертные мысли, взял страх, – волосы поднялись дыбом. Ночью слез я с лежанки, пал под образа и положил зарок – потрудиться, чем бог меня вразумит.

Как вешним водам сойти, – послал я нарочного в Москву, к знакомцу, к дьяку Щелкалову, с подарками: два десятка гусей копченых, полбочонка меду да бочонок яблок моченых, кислых, чтобы выдал мне из дворцовой кладовой тетрадь в сто листов бумаги доброй и чернил – чем писать.

И вот ныне, во исполнение зарока, припоминаю все, что видели грешные мои глаза в прошедшие лютые годы. Из припомненного выбираю достойное удивления: неисповедим путь человеческий. А как стал припоминать, вначале-то, – господи боже. Плюнул, положил тетрадь за образ заступницы: дрянь люди, хуже зверя лесного. Злодейству их нет сытости. Тьфу...

Но, отойдя и поразмыслив, положил я все же начать труд грешный и начинаю неторопливым рассказом о необыкновенном житии блаженного Нифонта. Его еще и по сию пору помнят в нашем краю.

В миру Нифонта звали Наумом. Отец его, Иван Афанасьевич, уроженец села Поливанова, при церкви был в попах и в давних летах умер. Наума взял к себе матернин дядя его, дьякон Гремячев; у дьякона Наум научился грамоте, и читал псалтырь, и был в дьячках, и через небольшое время посвящен в городе Коломне, при церкви Николая-чудотворца, в попы. Там-то я его и увидел в первый раз.

Стоял у пас в Коломне наш, князей Туреневых, осадный двор, куда бежали мы из деревень и садились в осаду, когда с Дикого поля шел крымский хан, с большими людьми. А дороги хану не было другой, как между Донцом и Ворсклой, – либо на Серпухов, либо на Коломну. Здесь по берегу Оки сторожи стояли, а в городах – береговые полки. Ока так и звалась тогда – Непрелазной стеной.

Старики говорили, – велик при царе Иване был город Коломна, а я его помню, – уж запустел: в последний раз крымский хан перелезал Оку через Быстрый брод, – с тех пор лет двадцать о крымцах не было слышно, и стали вольные людишки разбегаться из города, – кто на промыслы, кто в Москву, кто в степь – воровать. Остались в Коломне церковные да монастырские служители, да на осадных дворах – дворники, да на посаде среди пуста – закованных лазок, бурьяна на огородах – жило стрельцов с полсотни, сторожа Гуляй-города да казенные ящики.

В пустом городе – скука. Одни галки да голуби ворошатся на гнилой кровле, на деревянной городской стене.

Был в те времена великий голод по всей земле. Три лета земля не родила. Скот весь съели. Пашню не пахали и не сеяли. Бродили люди по лесам, по дорогам: кто в Сибирь тянул, что на север, где рыбы много, кто бежал за рубеж на литовские, на днепровские украины. В Москве царь Борис даром раздавал хлеб, и такое множество народа брело в Москву, – дикие звери белым днем драли на дорогах отсталых, тех, кто с голоду ложился.

Разбойников завелось больше, чем жителей. Сельский дом наш сожгли бродячие люди, и мы с матушкой от великого страха жили в Коломне за стеной.

Помню, мы с матушкой сидим на дворе, на крыльце на солнцепеке. Около стоит толстая, как бочка, попадья, босая, в лисьей рваной шубе, и говорит:

– Наступает кончание веку, матушка княгиня: иду я сейчас через мост, а на мосту безместные попы сидят, восемь попов, и все они драные, нечесанные, и бранятся матерно, а иные борются и на кулачки дерутся. Я их срамить. А один мне поп, Наум, нашего приходу, говорит: "Царь Борис, слышь, дьяволу душу продал, знается с колдунами и службы не стоит, и быть нам под Борисом нельзя, – мы все, попы, уйдем в Дикую степь к казакам, к атаману Ворону Носу. Вы еще нас попомните".

Матушка испугалась, увела меня в светлицу. А вечером поп Наум подошел к нашим воротам и стал бить в них рукой, покуда его не впустили.

Наум сел на лавку в избе, где мы ужинали, сам худой, борода спутанная, глаза беловатые, дикие, из подрясника полбока выдрано, – тело видно. И стал он говорить дерзко:

– Теперь по ночам звезда с хвостом всходит. В Серпухове на торгу все слышали – скачут кони, а ни коней, ни верховых не видно, одни подковы видны